

Валерий Сурадзе

Два оттенка
красного

Валерий Сурадзе

Сталин. Два оттенка красного

«Aegitas»

2026

УДК 82
ББК 84

Сурадзе В. Г.

Сталин. Два оттенка красного / В. Г. Сурадзе — «Aegitas», 2026

ISBN 978-0-3694-1390-1

Москвич Валерий Сурадзе, имеющий серьёзное военное образование и обширный опыт работы в сфере морских перевозок, последние годы увлечённо занимается литературным творчеством. За его плечами несколько изданных в издательстве «Художественная литература» популярных книг, в том числе на исторические темы. Несколько лет занимался кропотливым изучением материалов, связанных с биографией и деятельностью Иосифа Сталина, с малоизвестными деталями его личной жизни, с хроникой становления молодого Советского государства. В результате этих исследований, обогащённых и преображённых богатой писательской фантазией и выбранным нестандартным фокусом зрения, родилась книга «Сталин. Два цвета красного». У неё своеобразный документально-художественный жанр. Строгая фактографическая основа в сочетании с авторской фантазией позволили создать не только познавательное, полезное, но при этом ещё и очень увлекательное произведение. Которое наверняка будет интересно как любителям и знатокам отечественной истории, так и в целом широкому кругу читателей.

УДК 82
ББК 84

ISBN 978-0-3694-1390-1

© Сурадзе В. Г., 2026

© Aegitas, 2026

Содержание

Предисловие	7
Часть первая. Встреча на ближней даче	14
Конец ознакомительного фрагмента.	31

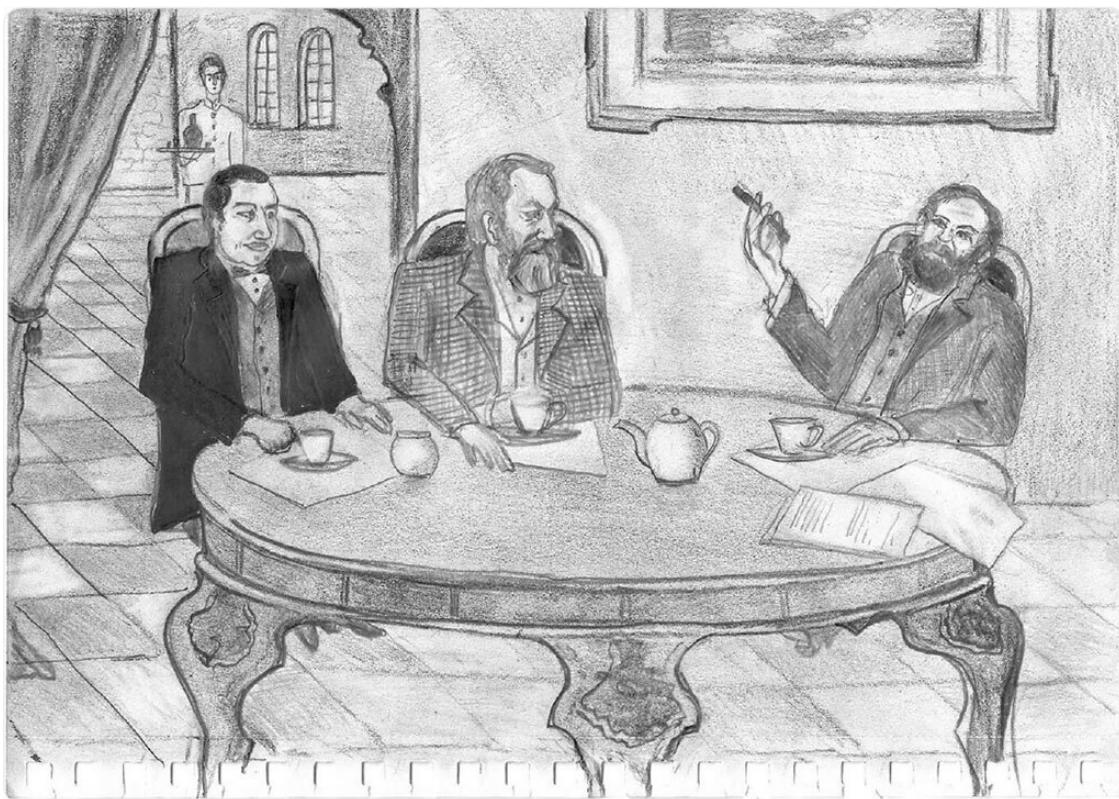
Валерий Сурадзе

Сталин. Два оттенка красного

Copyright © 2026 Валерий Сурадзе

Copyright © 2026 Издательство Aegitas

Предисловие

28 сентября 1864 года, в Лондоне всю ночь шел проливной дождь. Но где-то часам к 11 дня, на небе разбежались тучи и появилось солнце. «Это хорошая примета, Карл!» – Сказал высокий худощавый, элегантно одетый господин в богатой английской тройке в клетку, своему курчавому попутчику с большой бородой и в засаленном сюртуке.

Тот медленно вытащил сигару изо рта, и ответил на немецком языке, шепелявым хриплым голосом: Согласен Фридрих! Кажется, что даже погода с нами заодно. Но не будем загадывать, чуть позже подъедет Натаниель. Он будет инкогнито. Не хочет чтобы его видели. Ну, а вечером он ждет нас с тобой у себя, в отеле “Браунс”, к 6 вечера, чтобы обсудить наше с тобой начинание.

Фридрих ничего не ответил и жестом руки с зонтом остановил проезжающего извозчика – Сент-Мартин-холлс – сказал он тому в спину, когда приятели уселись в «Хенсон».

У здания уже собралась большая толпа людей. В общей сложности около двух тысяч человек, представители из Англии, Франции, Германии, Италии и небольшие группы из других стран.

Увидав двоих наших знакомых, люди принялись скандировать «Свободу польскому народу!» «Долой Русское самодержавие». В этот момент, двери зала распахнулись и толпа ринулась вовнутрь занимать места по ближе к трибуне.

Сборище это было организовано в поддержку польского восстания против России. Однако, наши герои ловко использовали его для решения своих политических задач с далеко идущими последствиями.

Посрамив русское самодержавие и династию Романовых и выставив на сцену огромный баннер, со звериным обликом Российской Империи, в виде кровожадного медведя, держащего в своих лапах полуголую, окровавленную красавицу Польшу, митингующие, по-деловому, не

спеша избрали временный организационный комитет по созданию Международного товарищества трудящихся, более известного под названием «Первый Интернационал».

Душой этой организации и его первым и последним вождем стал наш с вами приятель в замасленном сюртуке, Карл Генрих Маркс, человек без гражданства. Отказавшись однажды от немецкого, он уже до конца дней своих не получит никакого другого. А профинансировал всю организационную работу, вновь созданной организации, один из лидеров английских иллюминатов, глава крупнейшего банкирского дома Англии, Натаниэль Ротшильд.

Это был удивительно талантливый человек, который 21 год спустя, после описываемых событий, будет возведен в английские лорды. И станет вторым английским лордом, не титульной нации, после своего отца. Однако в данный момент нас больше интересует, что произошло после этого собрания, и какой разговор состоялся в отеле «Браунс».

Надо сказать, что молодой Ротшильд к своим 24 годам, уже был человеком, искушенным в жизни. Большие деньги делают из людей опустошенных идиотов или богатых циников. Натаниэль не был ни тем ни другим. Деньги он не любил, потому, что никогда в них не нуждался. Однако страшно любил их делать и занимался этим удивительно успешно, и можно сказать непрерывно.

Прочитав как-то на досуге брошюру Маркса «К критике политической экономии» он захотел встретиться с автором и понять глубже его мысли, которые оказались созвучными с его собственным размышлениями. Но Натаниэль больше всего не любил сюрпризов и потому запросил информацию о Карле Марксе через своих людей в Лондонской городской полиции.

Больше всего его удивило две вещи в этом человеке: Первое, что еврей является открытым антисемитом. И второе – неуважение к родителям. После смерти своего отца, который в нем души не чаял и у которого он выпотрошил практически все деньги, пока учился в университете, он подал в суд на мать, чтобы отсудить у неё свою часть наследства. И выиграл. Полиции было известно, что Маркс проигрывает в карты всё, что зарабатывает. Любит выпить, неразборчив в женщинах. Семья живет очень бедно. Живет в долг, хотя зарабатывает вполне сносно, но при этом все тратит исключительно на свои прихоти и на себя. Семья нуждается в деньгах. Но, что больше всего удивило банкира, так это тот факт, что Маркс является высокооплачиваемым агентом германского и английского политического сыска. Этим, как понял Ротшильд и объясняется рост популярности этого политика новой волны в политических кругах молодой буржуазии. «Другой бы давно уже сидел!» – подумал он. Но при этом Маркс был тщеславен, жаден и обладал дерзким и изобретательным умом. Пером владел великолепно. Удивляло другое. Как с этим человеком мог много лет дружить такой интересный во всех отношениях тип, как Фридрих Энгельс, который был полной противоположностью своего товарища.

Отложив в сторону лист бумаги с описанием досье Маркса, Натаниэль подумал:

– Ну что же, тем интересней будет с ним пообщаться. Во всяком случае я ничего не теряю. А разговор может оказаться полезным. Хотя, я и так уже извлёк пользу из его брошюры.

Одной из причин озабоченности Ротшильда было то, что в Англии, уже тогда шли разговоры о неминуемом грядущем распаде Британской Империи и выходе колоний из-под её протектората, как основного источника её несметных богатств. И иллюминатам Лондонского Клуба, куда входили владельцы самых крупных банковских домов Англии и Европы, нужна была альтернатива. И в работе Маркса Ротшильд её увидел. Необходимо было только глубже в этом разобраться. Деньги суеты не терпят.

Итак, наши друзья, уважив своим присутствием участников Первого Интернационала и пропустив по пинте пива за здоровье избранного председателя, направились на встречу с Натаниэлем, который, будучи человеком педантичным и трепетно относящемуся к своему времени, уже ждал их в небольшом баре первого этажа отеля, с чашкой чая и читал новости. Увидев своих гостей, он встал им навстречу и пригласил сесть за стол. Энгельс знал Ротшильда, так как вел дела своего семейного бизнеса через его банк. А Маркс видел этого молодого рыжево-

лосого человека с голубыми глазами и аристократическими манерами впервые. Впечатления на него молодой банкир не произвел.

«Но раз за всё платит, то можно и потерпеть. Деньги не пахнут», – Подумал он.

Однако Натаниель, начал, как говорится с места в карьер:

– У меня на встречу с вами господа отведен ровно один час! – сказал он сразу. – Я как правило с клиентами банка и партнерами встречаюсь в офисе. Фридрих в курсе! А предварительные встречи, провожу на стороне. Встреча у нас с вами как вы понимаете предварительная, и не в интересах моего банка, пока во всяком случае. Но исключительно по рекомендации и поручению моего Клуба, о существовании которого вам хорошо известно!

Натаниель говорил так, потому что решил, что ни при каких обстоятельствах, его банк не будет связан с политикой. Члены Клуб иллюминатов, на тот момент понятия не имел ни о Марксе ни тем более о состоявшемся собрании Первого Интернационала. Инициатива исходила исключительно от самого Натаниэля. В Клубе иллюминатов всё узнают только после этой встречи. и то только для того чтобы финансирование дела шло не из его кармана.

– Я ясно выразил свою мысль? – спросил Ротшильд, пристально осматривая друзей.

– Уж куда яснее, – ответил Маркс, понимая, что виски не будет и что речь пойдет исключительно о нем, и принялся раскуривать сигару.

Ротшильд уловил сарказм в его голосе и добавил

– Я тут для вас заказал специальный индийский чай, для его приготовления требуется немного больше времени, чем обычно, и он подаётся с Бренди. Вам понравится.

Маркс, услышав последнюю фразу сразу оживился, а Ротшильд перешел к делу:

– Ваш митинг мне понравился, главным образом потому, что все, как мне показалось присутствующие, возлагают на созданную организацию большие надежды. Очень хорошо, что он получился интернациональным не на словах, а совершенно реально, на деле. Видно, что ждали давно. Это имеет принципиальное значение. Потому, что при грамотной организации и умелом руководстве создаваемая структура будет живой и энергичной, а главное управляемой.

Теперь какие цели мы собираемся преследовать? – чтобы не тянуть время сразу задам вопрос. – Вы, Карл, считаете, что движущей силой современности является пролетариат с одной стороны. А главной проблемой в развитии капитализма, а следовательно и рынков которые сегодня необходимо движение капиталов, стали государственные границы монархических домов Европы, И вы доказываете, что именно пролетариату предстоит эти границы стереть, и сменить существующие монархии социал-демократическими режимами, что в конечном счете приведет к образованию крупных, объединенных промышленных и финансовых центров. Так?

Принесли чай и бренди. Официант разлил по чашкам гостям, пожелал приятного чаепития и удалился. Маркс сделал глоток, задержал напиток во рту:

– Чудесно! – сказал он. – Вкус необычный.

– При простудах, наверное, хорошо помогает! – добавил Энгельс, внимательно следя за ходом разговора, и за тем, что ответит Карл.

– Абсолютно верно! – согласился Маркс. – Такое развитие событий неизбежно. Но в случае если процесс станет управляемым, то это приведет к ускоренной глобализации финансовых рынков. При этом рынки товаров вполне благополучно могут существовать на своих территориях при открытости границ и свободно перемещаться. Если же пустить дело на самотек, то процесс значительно замедлится. Но всё равно придет к этому.

– Я так и понял ваши идеи. По большому счету, такому развитию событий альтернативы нет. Всё должно произойти своим чередом? Не так ли, Карл?

– Возможно! – Ответил Маркс – Только очень долго ждать. И неизвестно, какие силы возьмут бразды правления в свои руки.

– И они существуют? – с удивлением поинтересовался Ротшильд.

– Их великое множество. Это национализм. Это радикалы всех мастей, цивилизационные страны типа Китая или Индии. В Европе самую большую опасность представляет Русская цивилизация, которая, преобразованная Петром Первым в гигантскую империю и укрепившая свое могущество благодаря ортодоксальному христианству, стала по сути Третьим Римом. И может только так и существовать – в виде империи, несмотря на всю свою дикость и отсталость.

Пусть Россия живет своей жизнью и все остальные своей, а мы займемся пока нашими делами! – Правильно Фридрих? – обратился Натаниэль к Энгельсу ожидая от него поддержки.

– Нет! – ответил тот. – Как только вы освоите свои рынки, вы тут же начнете задыхаться. Потому, что возросший объем промышленного производства, а следовательно капиталов, которые остановят своё движение, а это в одночасье уничтожит все ранее созданное вами с таким трудом. И пролетариат, который мы сегодня рассматриваем как инструмент, для глобализации рынков и финансов, в одночасье, станет вашим могильщиком. Останавливаться нельзя. Должно быть перманентное движение в освоении рынков и территорий с производительными силами и сложившимися отношениями и с вашими финансовыми вливаниями в их развитие. Только так может быть достигнут эффект глобализации.

– Хорошо! – Звучит красиво. А как же конкуренция? Она двигатель развития. – возразил ему Ротшильд. – Пока мне все нравится, – чёрт побери!

Маркс рассмеялся:

– Она никуда не денется, ваша конкуренция. Она останется на местах в рамках производственных и экономических отношений и производительных сил. Вам-то банкирам, это зачем? Кто управляет финансовыми потоками, тот управляет миром! А конкуренция призвана улучшить качество товара и сделать привлекательной его цену. Пусть она остается преференцией производителя и торговца.

– А коммунизм? Вы же хотите его построить?

– Это совершенно реально. Только коммунизм есть то, о чем мы с вами сейчас говорим, но заводы, фабрики и все прочие предприятия промышленности должны будут перейти в общественную собственность. А деньги будут управляться с одного-единственного финансового центра, который создадут банки. Они кровь экономики. Но до этого ещё очень далеко. Однако так все равно будет. Другого пути развития у мировой и национальных экономик не существует. Будущее процветание в объединении. Объединении финансов! Это и будет коммунизм. А пролетариату наше учение поможет идти тем путем, который будет продиктован временем и конкретной исторической необходимостью. Если дать толпе волю, они все захотят жить как вы. А это невозможно. Ни в одном государстве люди не могут жить в одинаковом достатке. Человеку свойственно страдать от сравнения. Это заложено в саму природу человека. Вот для чего необходимо не углублять пропасть между бедными и богатыми, а заполнять её людьми, в целом довольными жизнью.

Чем больше среднего класса, тем больше его денег в вашем банке. Гражданин является главным источником дохода и государства и банка. Дайте ему возможность больше зарабатывать, и вы станете богаче. Вот такая логика! Для того и существует учение: чтобы волки были сыты, а овцы целы. Вы же понимаете, что у Томаса Мора это закончилось абсолютным примитивизмом, а у Томазо Компанеллы утопией. Потому что не было научного подхода и анализа. Потому, что не созрели ни производительные силы, ни производственные отношения. Богатство за счет обнищания и грабежа других, скоро станет признаком очень дурного тона.

Для промышленника мир его существования, разительно отличается от мира банкира, или правительственного чиновника, тем более от мира рыбака или пасечника, или фабричного рабочего. Но мир каждого должен быть достойным и уважительным. Никакого равенства в этом смысле никогда не будет. Будет различие!

И ещё! – Маркс отпил из своего бокала, затянулся сигарой, и, выпустив струю дыма сказал: – Человечество стоит на рубеже грандиозного промышленного рывка, вызванного

научно-техническим прогрессом. Уровень развития науки уже сейчас ставит человечество перед такими открытиями в области естествознания, что каждое текущее десятилетие по сравнению с предыдущим уходит значительно дальше вперед чем раньше. Не сегодня, так завтра, это заставит банки интернационализировать капитал. И с этого момента именно они начнут занимать главенствующую роль во всей системе развития и экономического роста общества, и отношений в нём. Хорошо это или плохо? – Время покажет. Вот в коротко, что я собирался вам сказать по вашей просьбе, господин Ротшильд. Надеюсь я вас не разочаровал?

– Вы умнее чем я думал! – сказал Ротшильд, обращаясь к Марксу. Мы с вами на одной стороне. И как я понимаю наша с вами дружба должна стать сакральной тайной ради общего дела Я правильно говорю?

– Как вам угодно! – ответил Маркс, и, посмотрев в свою пустую чашку спросил Ротшильда: Можно ещё вашего чая. Замечательная вещь!

Через несколько дней Натаниэль прислал Марксу своего человека, который передал ему небольшую брошюру и приятную сумму денег с приложенной запиской «за полезный разговор, с благодарностью ваш Н» А брошюра называлась «МАНИФЕСТ БАВАРСКИХ ИЛЛЮМИНАТОВ»

Которую, несущественно переработав, Карл Маркс назвал «МАНИФЕСТОМ КОММУНИСТИЧЕСКОЙ ПАРТИИ» Ну а дальше поехало, как покатило! Он стал работать над «Капиталом», в основу которого легла его брошюра «К критике политической экономии», имея при этом ежемесячное вознаграждение, за которое отвечал Энгельс.

А через некоторое время популярность Ордена Баварских иллюминатов стала расти, как на дрожжах. В него вступило огромное число богатейших людей планеты, и возникла ситуация, когда в собственности у отдельных членов ордена оказалась большая часть золотого запаса человечества, накопленная людьми в течении тысячелетий. А затем сработал эффект Якоба Фуггера, который пробудил у богачей желание скрытно управлять миром, назначая правителями государств верных им людей. Оказалось, что делать это было значительно проще в условиях республик и всеобщего избирательного права, чем в наследных монархиях. В целях установления безграничного господства богатейшие кланы планеты перестали бороться между собой и объединились в руководстве ордена Иллюминатов. Их заветной мечтой было свержение династии Романовых в России, на что были нацелены не только деньги иллюминатов, но и усилия британской разведки. Дело было общее.

Этот процесс длился всю вторую половину 19-го века и душой его оказались британские банкиры.

Но ведущими клиентами Ордена Иллюминатов безусловно стали Карл Маркс и Фридрих Энгельс с их социалистической революцией, движущей силой которой стал пролетариат, и которая неизбежно уничтожала монархию, как конкурента. 146 иллюминатов и назначали, как правило англоязычные правительства «выборным путем». Правительство Британской империи в условиях стремительно меняющегося мира должно было стать правительством мировым.

В этих условиях Первый Интернационал, вернее, его главный рабочий орган конгресс, выступал в виде ударного отряда Иллюминатов, располагая таким огромным потенциалом, как пролетариат. Однако, оказалось, что товариществу катастрофически не хватает агитаторов и пропагандистов. И тут Маркс принимает решение привлечь к работе русского революционера Михаила Бакунина, который став на словах единомышленником Маркса, на деле создал тайно свой Альянс, который предполагал уничтожить все государства и создать вольную федерацию народов. Им были созданы секции в Швейцарии, Испании, Италии и Франции. Главной задачей своего Альянса Бакунин считал подчинение Товарищества изнутри. А это означало открытое противостояние с еврейством в рабочем движении. Но это была утопия, так как разрыв с революционерами – евреями означал прекращение финансирования со стороны банков.

Открытое столкновение произошло между Марксом и Бакуниным на четвертом конгрессе первого Интернационала 11 сентября 1869 года. Бакунин потребовал со своими сторонниками, которых оказалось значительное большинство, принять решение об отмене права наследования собственности в программном документе конгресса. Для Маркса это был двойной и совершенно неожиданный удар. Во-первых, была отвергнута его абсолютная власть в Товариществе, а с другой, стороны, Бакунин и его сторонники, толкали его на столкновение с иллюминатами, для которых право наследования было «священной коровой».

Однако Маркс вывернулся, объявив этот вопрос вторичным. Главная задача-взять власть в свои руки, а право наследования вторично, заявил он на заседании. К этому вопросу мы вернемся позже!

– Интриган и ловкач, он обыграл Бакунина, и поскольку у того был уже свой Альянс, то товарищество избрало Генеральный совет. А потом поползли слухи, что Бакунин является агентом царской охраны, русским патриотом и панславистом. Это было страшное обвинение в той среде. Революционеров-интернационалистов...

Маркс при поддержке Натаниэля продолжал работать над книгой и 14 сентября 1867 года был опубликован первый том «Капитала» в Гамбурге, тиражом 1000 экземпляров на немецком языке. Почему на немецком? Ведь заказчик был англичанином. Дело в том, что родным языком Ротшильдов был немецкий.

Однако любопытно другое. Первым иностранным языком, на который был переведен труд Маркса оказался русский. И здесь было всё непросто. Сначала за перевод взялся сам Михаил Бакунин. Однако ему удалось перевести только несколько страниц, и он плюнул. Ему не понравилось. Это можно было ожидать, учитывая их отношения. А в 1870 году, его заменил Герман Лопатин. Но завершить перевод и ему не удалось. Он уехал в Сибирь, чтобы устроить побег Чернышевского. Перевод удалось завершить другу Лопатина, Николаю Даниэльсону, который и издал его на русском языке в 1872 году в издательстве Николая Полякова тиражом 3000 экземпляров. В три раза больше оригинала. Цензура не разобралась в сложных экономических хитросплетениях материала откровенно научного характера и «Капитал» не был запрещен. Маркс ликовал и принялся за изучение русского языка.

До 1875 года второй и третий том «Капитала» Маркса благодаря усилиям Даниэльсона и Энгельса печатались сразу на двух языках – немецком и русском с небольшой задержкой. Вот таким образом книга, задуманная иллюминатами, как пособие для переустройства мира, через товарно-денежные и экономические отношения, при ведущей роли пролетариата, превратилась в основное пособие для политической борьбы с царским самодержавием.

Тем временем, опасаясь влияния Бакунинцев, Маркс перевел органы управления Первого Интернационала в США, в Нью-Йорк. Там спонсоров не нашлось и Первый Интернационал в 1876 году распустился по причине отсутствия финансирования. В то же время Бакунинский Альянс был преобразован в Анархический Интернационал и существует до сегодняшнего дня под названием «Берлинский Интернационал Профсоюзов» Ну, а что касается Ротшильдов, то они извлекли максимум пользы из марксистских рекомендаций, став главными банкирами планеты, контролирующими оборот золота в мире. Но главное открытие, которое сделал для себя прозорливый Натаниэль – Любое революционное движение, или организация, способны корректироваться и менять вектор движения. Всё зависит от цены вопроса. И самое главное – Любая революция, всегда требует больших денег. А значит, это бизнес, за которым всегда кто-то стоит! Этот постулат, стал базовым для капиталистов всего мира в борьбе за власть в 20-м веке.

Карл Маркс скончался в Лондоне от абсцесса легкого 14 марта 1883 года в полной нищете, через два года после смерти его жены. На его похоронах присутствовало всего 11 человек, включая Энгельса и двух могильщиков. Из-за отсутствия средств, он был захоронен в той же могиле, где ранее была похоронена его жена Жейн.

Из семи детей Маркса и Жейн четверо умерли от невыносимых условий жизни семьи ещё до 1863 года. Три его дочери пошли по стопам отца и стали революционерками. Отец был для них непререкаемый авторитет. Двое из них, Лаура и Элеонора впоследствии покончили жизнь самоубийством.

Вот так печально закончился земной путь величайшего из людей 19-го века – Карла Генриха Маркса, человека без паспорта, подарившему человечеству в 19 веке мечту о возможном светлом будущем. Однако, это было только начало.

В 1882 году Георгий Плеханов, будучи уже в эмиграции, перевел на русский язык Манифест Коммунистической Партии» Эта работа Маркса и Энгельса сделала его убежденным марксистом. Не исключено, что он не имел ни малейшего представления о том, как был написан «Капитал» Маркса И уж тем более «Манифест». Русская либеральная интеллигенция, живущая в эмиграции в Европе, которая скоро начнет себя называть русскими революционерами, неожиданно сделает для себя открытие – Марксизм, как учение, предназначенное для революционной борьбы пролетариата за свободу и демократию в Европейских государствах, неожиданно стал их идеологическим оружием в борьбе с царским самодержавием. Нужен только лидер. Пройдет совсем немного лет, и им станет Ленин... А ещё позже произойдет немыслимое, в Российской Империи под руководством марксистов, прибывших в запломбированном вагоне из Европы во главе с Лениным, произойдет Октябрьский переворот (Революция), отбросивший государство на столетие назад. Которую никто не ждал и которая, пройдя через интервенцию и гражданскую войну, преобразует Россию в первое в мире социалистическое государство, которое спасет человечество от коричневой чумы фашизма. Будет образована Мировая Система Социализма. Родится феномен 20-го века – «Советский человек» Но!..

И опять, однажды произойдет невообразимое, всё рухнет в одночасье. Не станет Советского Союза. Ни мировой системы социализма. Произойдёт Величайшая геополитическая катастрофа Двадцатого века

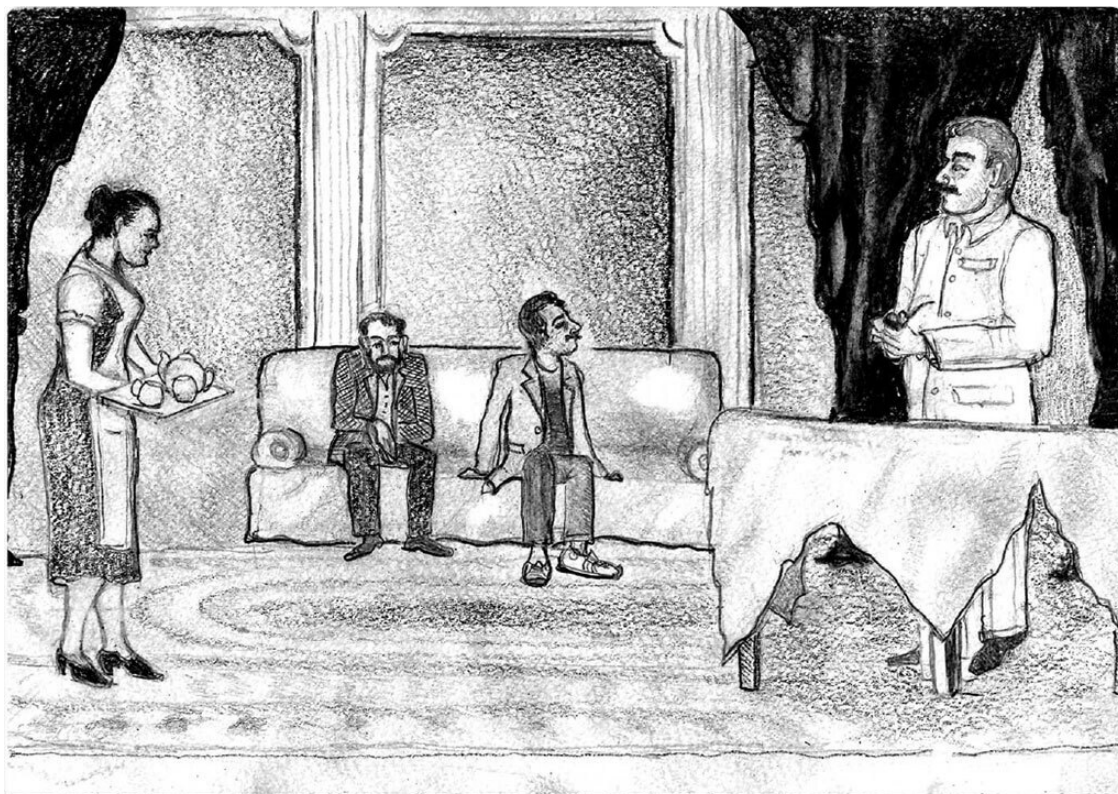
– Почему? Почему никто его не защитил? Ни у себя дома, ни за его пределами.

В этой книге я попытаюсь, как уже и многие авторы, разобраться с этим вопросом, через призму изучения личности Иосифа Виссарионовича Сталина и, конечно, Ленина, с именами которых связаны самые судьбоносные и выдающиеся события, как в истории нашей страны, так и всего мира. И конечно, я не смогу здесь обойти стороной все то, что связано с именем Карла Маркса, его учением и тем более людей, именовавших себя марксистами.

И, конечно, я попытаюсь найти ответ на то, почему люди, стремящиеся к мировому господству капитала, нашли в учении Маркса волшебное средство, для реализации своей мечты, а те, кто мечтал о светлом коммунистическом завтра, в очередной раз оказался на обочине истории. Что это? – логическое завершение иллюзии под названием Утопия?

А может, мина замедленного действия, дождавшаяся своего часа? Или это предательство элит, которые были выращены в недрах самой власти, грамотно и тайно?

Часть первая. Встреча на ближней даче

Скажу честно. Я бы никогда не взялся за написание этой книги о нём, главным образом из-за того, что в последнее время появилось множество публикаций об этом удивительном и безусловно великом человеке, сыгравшем выдающуюся роль как в становлении первого в Море Советского государства, да и не ошибусь, если скажу, что и в судьбе всего двадцатого века и каждого из наших предков, живших в ту фантастическую эпоху, полную чудовищных потрясений и выдающихся достижений. Эпоху надежд и непоколебимой веры в светлое будущее, пусть не всего человечества, а одной конкретно взятой страны – Нашей Родины, Советского Союза, или как сейчас принято говорить – России. И нет ничего удивительного в том, что все это засело в нашем генетическом коде, который настойчиво требует от нас, современников, оглянуться назад и сделать нужные выводы из прошлого. Как из хорошего, так и из плохого. И того и другого было предостаточно.

Мир, в котором мы живём сегодня, учит нас вдумчиво изучать опыт наших великих предков, одним из которых безусловно является Сталин Иосиф Виссарионович. Боясь захлебнуться в противоречивом материале, которого появилось так много, и такого разного, что возникало сомнение. Об одном ли и том же человеке идёт речь, или о разных людях?. Это и понятно. Личность сложная и стоит того, чтобы об неё ломались копыя!

Нет сомнения в том, что его умышленное очернение, со стороны вчерашних единомышленников на долгие годы дискредитировало в глазах современников и его роль в жизни нашего государства и все то, что было сделано советским народом под его руководством. Но время показало, что интерес к этой исторической личности востребован в первую очередь потому, что людям хочется исторической правды, а вместе с ней исторических побед, великих достижений, прорывных результатов в науке и технике, реальном улучшении жизни человека по результатам своего труда и гарантированного будущего, где государство – твой помощник, товарищ

и друг, где старость не страшит. Одно дело, когда говорят, что такое может быть! И совсем другое, когда это уже было! Иными словами, в который раз торжествует истина: неспособность быть достойным Цезаря оставляет только один выбор – опорочить его имя.

Короче говоря, я взялся за перо и начал работать над этой темой. Хотя собирался это сделать очень давно, но не получилась. Видимо, тогда еще не созрел. Скажу сразу, что было очень тяжело построить логическую канву повествования – по причине немыслимых метаморфоз и событий в жизни этого человека, которые привели его через утраты и предательства, через разочарования и потрясения к тому, кем он стал.

Первый раз, два года назад, я написал книгу «Мой замечательный грузин» Насколько она получилась интересной и познавательной мне судить трудно. Но моя жена Галина, не зная до этого про Сталина многое из того, что я написал, прочитав её, потребовала продолжения. Тоже самое мне сказал мой друг адмирал Селиванов Валентин Егорович, большой почитатель Сталина.

Скажу честно, что я откровенно боялся и долго не мог решиться на продолжение, потому что впереди было много политики с такими выкрутасами, которые требовали особого понимания темы и глубокого знания происходящего. Именно этого у меня не было. Сдерживала меня, и опасность скатиться до уровня откровенного политиканства. Материала уйма, и практически весь ангажированный. И это мне казалось самым опасным. Однако подрабравшись, я неожиданно понял, что имеющийся в свободном доступе материал, откровенно негативного толка исходит главным образом от людей, так сказать, обиженных минувшей эпохой и видящих виновником всех своих бед только одного человека. Того, кто был у власти. Такие люди были всегда и никуда они не делись сегодня. Хотя трудно не согласиться с тем, что многое из того, что происходило в прошлом, может показаться чудовищным, если на это смотреть с позиции нашего современника. Видимо и человеку из минувшей эпохи тоже было бы непросто понять реалии сегодняшнего дня. Но то, что время было немыслимо жестоким, и то, что это была эпоха цивилизационного перелома, отрицать невозможно.

И вот, вероятно поэтому я согласился с моим старинным другом, Георгием, которого мой читатель знает по другим моим книгам и который живёт на белом свете давно, и который, видя, как трудно у меня идёт написание этого материала, предложил мне, съездить на ближнюю дачу Сталина, которая теперь уже находится не в ближнем Подмосковье, а в черте Москвы, на улице Старовольнской, дом номер 6. Да! Разрастается красавица Москва. Становится и больше, и краше. А я так вообще считаю её самым красивым городом мира. Тесно ей в её старых одеяниях.

– Это, конечно, интересно, – ответил ему я. Но кто нас туда пустит. Насколько я знаю, этот объект охраняется ФСО и не является музеем.

В этом и смак! – Ответил мой друг. Там после его смерти ничего не трогали. Не знаю почему, но всё осталось точно так, как было при нём. Даже телефоны не отключены.

– Ага! Так я тебе и поверил – скажи ещё что ему туда сам Путин звонит.

В ответ Георгий только рассмеялся и продолжил:

– Мне мой приятель, из тех, кто там служит рассказывал, что дух Сталина там остался и его иногда видят сотрудники. Ходит по помещениям, иногда часами сидит в малой столовой, пишет что-то. Потому ничего и не трогают. Вдруг понадобится ему какая безделица. Глядь! А нет! Понимаешь? Этот мой приятель мне рассказывал, что Иосиф Виссарионович иногда даже в бане бывает. Кряхтит. Значит, парится. Но зайти никто не рискует. Страшно!

Георгий – ты с ума сошёл! – Разве такое возможно? – возразил тогда ему я, принимая это его предложение за шутку.

– Возможно! – продолжил Георгий. – Но по ночам охрана побаивается ходить по помещениям дачи. У них даже в Инструкции записано – ночью не ходить! Вдруг встретится. Так, что только при дневном свете и делают обходы. Владимир Иванович врать не будет! Рассказы-

вал, что здешний садовник прошлым летом увидел его днем. Сталин стоял у окна, в гостевой комнате на втором этаже и курил. Когда увидел, что садовник на него смотрит, то помахал ему рукой, поприветствовал значит.

– Кого поприветствовал? – не понял я.

– Как кого? – Говорю же, садовника!

– Ну блин, ты даёшь! – Георгий, я понимаю, что ты много чего знаешь, ещё больше чего видел. Но это, извини меня, перебор!

– Никакой не перебор! Я что врал тебе хоть раз?

– Не помню такого!

– То-то и оно! – обиженно ответил Георгий.

– Хорошо. И как садовник? – спросил я.

– Садовник на следующий день уволился! И вообще после смерти Сталина, там, на даче с того момента стали происходить странные вещи – То вода в бачке сама спускается в унитаз в его туалетной комнате на первом этаже. А ещё! – Владимир Иванович, полковник на пенсии, он раньше, после смерти Сталина был на даче начальником охраны объекта, теперь хозяйством заведует. Завхоз, значит, по-ихнему. Так вот! – Владимир Иванович с ним может разговаривать. Они как бы с ним дружат. Но об этом знаю только я! Ну и ты теперь. Правда, охранники считают его немного не в себе, даже донос на него писали, давно правда. Ещё до горбачевской перестройки...

– И что?

– Отправили на медицинское обследование, назначили психиатрическую экспертизу. Признали совершенно здоровым, а доносчика отправили служить в Магадан. Пусть там доносы на медведей строчит.

– Похоже ты там всё знаешь? – Удивленно спросил я Георгия.

– Всё ни всё, но с Владимиром Ивановичем дружу. Он любит слушать всякие истории, вот я его и ублажаю иногда, когда в Москве бываю. Очень любит, когда я ему про ваших купцов в Византии рассказываю. Про их похождения! Про императоров византийских. Особенно любит слушать про время, когда императором был армянин.

– А почему именно про него? – с удивлением спросил я.

– Да потому, что он был единственным, кого поймали за руку, за воровство и наказали.

– Георгий я всё понимаю и всему тому, что ты мне рассказываешь пытаюсь верить. Но как это может мне пригодиться в моей книге? Тебе не кажется все это странным?

– Чудак человек! Мы с тобой поедem к Владимиру Ивановичу, для того чтобы он организовал нам встречу с Иосифом Виссарионовичем. Главное, чтобы мы не называли полковника Лепёхина по имени и отчеству. Терпеть не может. Надо просто – не Владимир Иванович, а товарищ полковник! И он сделает для нас всё что угодно! Смотри не проколись!

– Если сказать, что Георгий меня заинтриговал, значит, ничего не сказать. Я был готов хоть сейчас, хоть немедленно ехать на сталинскую дачу, только бы закрыть эту тему. Иначе, думал я, Георгий доведёт меня до инфаркта. Поверить в такое было немыслимо, а перечить становилось невозможно. Тем более я уже не один раз был свидетелем удивительных событий и фактов, которые ставили меня в тупик. Однако не поверить или усомниться было невозможно.

Ну а в данный момент мой друг продолжал с завидным упорством гнуть свою линию.

– Валера, – сказал он мне. Это дело серьёзное. И речь идёт не о ком-то, а о товарище Сталине. Он меня помнит ещё с первой сибирской ссылки, когда чуть в проруби ни утоп. Только с Божьей помощью и выбрался. Сильно застудился. Мы много тогда с ним бесед провели. Он думал, что Богу душу отдаст. А я-то знал, что нет! Когда был в беспамятстве, то и дело жену свою вспоминал Катерину. Ругался с ней и плакал. Зачем, говорил ты, меня одного оставила? Как ты могла так поступить? А когда очнулся, то ничего не помнил. О чём только ни переговаривали.

Георгий неожиданно задумался: – А тебя-то как ему представить?

– К кому меня представить? – не понял вопроса я.

– Как к кому? – товарищу Сталину!

– Ты с ума сошел, Георгий, разве такое возможно? Если честно, то я уже устал от этих разговоров! Меня интересует только дача! Понимаешь? Только дача! Хочу почувствовать быт этого человека! Понимаешь?

Георгий положил мне руку на плечо:

– Очнись, дружище. Ты забыл кто я?

После этих его слов, меня как душем холодным обдало.

– Хорошо! Хорошо! – Я буду просто начинающим писателем!

– Да! – чуть не забыл. Владимир Иванович вскоре после того, как я рассказал ему о нас с тобой, видел у хозяина на столе что-то из твоих книг, по-моему, «33 лабиринта иллюзий» и «Золотое сечение Иуды»

– Это невозможно! – воскликнул я, потрясенный такой информацией – ты издеваешься?

– У нас всё возможно, дорогой мой! – успокоил меня Георгий.

– Он что-нибудь говорил про мои книги?

– Не знаю. Сам спросишь – ответил мне Георгий.

– Слушай, Георгий, – вдруг спохватился я, – а можно его записать на диктофон?

– Не знаю, никогда не пробовал. Я же всё запоминаю навечно. У меня такой проблемы нет. Я ничего никогда не забываю! – всё здесь! – и Георгий бережно похлопал себя по лбу.

– Тебе не нужен, а мне что делать? – я же не вижу тебя каждый день. Ты приходишь когда заблагорассудится.

– Я прихожу только тогда, когда я необходим. Ты же не собираешься это отрицать? – возразил мне он – В любом случае я помогу, если не запишешь! Ну что – готов?

– Когда? – обреченно спросил я, уже твердо осознавая, что от этого визита мне не отвертеться.

– Ну, скажем где-то в час ночи. Но подъезжай минут на двадцать раньше.

– Я буду в комнате у Владимира Ивановича, на камере тебя увижу на парковке. От неё, ровно двенадцать минут пешком. Не забудь надеть что-нибудь теплое. Нас с ним будет двое. Замерзнешь, если разговор затянется.

Итак, я без двадцати минут час ночи подъехал на своём стареньком «Мерседесе» на парковку и пешком направился на проходную. Было тепло. Свет фонарей на столбах хорошо освещал дорогу. Неожиданно из кустов меня окликнул знакомый голос. Сразу на душе стало легче.

– Привет!

– Привет! – ответил ему я и пожал протянутую руку, не без удивления рассматривая одеяние Георгия. Он был одет, почти, как и я – джинсы, белые кроссовки, черная майка и светлый пиджак. Хотя на мне был клетчатый пиджак и майка синего цвета.

– Молодец! – сказал ему я. Одет модно, современно и неброско. Мне нравится.

– Мне тоже! – ответил Георгий, улыбаясь. Очень удобно.

Я подумал – вот чудеса. Человеку больше чем 600 лет, а выглядит так, словно мы с ним ровесники! И тут совершенно неожиданно для самого себя я спросил его, Георгий! – ты такой видный мужчина, с такой привлекательной внешностью. У нас женщины таких любят. А как у тебя с этим делом – ты же человек не обычный?

– Нормально всё, дорогой! Всё очень нормально! Только для тех, кто из моего времени и для кого я значу больше, чем все другие!

– И такие есть? – удивился я.

– Только одна! – ответил он после минутной паузы. И только тут я вспомнил его печальную историю о том, когда он закончил свой путь в нашем мире.

– Прости!

– Ничего. Бывает!

Мы подошли к пропускному пункту, в окне которого горел свет и видны были два человека в форме. Георгий нажал кнопку вызова и оттуда мгновенно раздался хриплый спокойный голос: Слушаю вас!

Георгий произнёс какую-то абракадабру на непонятном мне языке, дверной засов щелкнул, и дверь открылась. Мы вошли во внутреннее помещение и пошли по узкому коридору мимо небольшого стеклянного ограждения, за которым сидел прапорщик, не обративший на нас абсолютно никакого внимания. Даже стало обидно. Дальше стояла арка металлоискателя и турникет, установленный в узеньком проходе, где за стеклом также сидел человек в форме лейтенанта. Георгий протянул ему мою визитную карточку. Тот посмотрел внимательно. Потом резко вскочил и вышел к нам:

– Может, вас сопроводить?

– Спасибо. Не надо! Нас ожидает Владимир Иванович у входа в главный корпус – ответил ему Георгий.

Лейтенант отдал честь и вернулся к себе.

Мы же двинулись вперёд, по асфальтированной дорожке к дому. Прямо у дверей нас уже ожидал полковник Пантелеев.

– Здравия желаю, товарищ полковник! – поприветствовал его Георгий.

– Здравствуйте, здравствуйте, господа хорошие, – ответил Владимир Иванович, внимательно осматривая меня с ног до головы. Был он коренастым, невысоким человеком с чисто русским лицом и носом пористым и массивным, похожим на картофелину. Волос на его массивной голове не было. А одет он был в серый пиджак, с орденом Отечественной войны на груди, клетчатую рубашку с черным галстуком и в такие же черные брюки.

– «Рад вас видеть снова, Георгий и вашего друга Валерия, – сказал он, протягивая руку для приветствия. Поздоровавшись, сделал шаг в сторону и пропустил нас через уже открытую дверь: Хозяин вас ждёт! – сказал он как-то совсем обыденно, и от этого стало совсем не по себе. – Я вас проведу. Следуйте за мной!

Мы вошли в вестибюль. Он был большим и высоким, со стенами, обшитыми деревянными дубовыми панелями. На потолке висела массивная бронзовая люстра. Я сразу обратил внимание на вешалку справа и понял, что она для личного пользования. На ней висела выдававшие виды шинель, зимнее армейское пальто с каракулевым воротником и погонами маршала и демисезонное пальто – такое же, без меха. Ещё было что-то типа плаща темного цвета, но его я разглядеть не успел. Увидел только на полке над вешалкой две фуражки: армейскую форменную и простую защитного цвета. И ещё была шляпа.

Владимир Иванович дал нам знак двигаться за ним, и мы медленно пошли осторожно, ступая на широкую, зелёную, с цветочным рисунком дорожку, во всю длину коридора, боясь что-то сделать не так. Было страшно. Ноги не хотели идти. Вдруг я увидел открытую дверь лифта со стоящим в нём стулом и остановился. Полковник понял это по-своему и шёпотом сказал мне:

– Это Мао Дзедун вчера гостил. Ему ещё в 1949 году стул в лифт ставили. Ноги у него болят. Целых две недели на лифте ездил. Жил на втором этаже. А стул так и остался. Глядишь, ещё заедет.

От этих слов стало почти дурно. Наконец, полковник довёл нас до массивной дубовой двери, дал знак стоять, а сам скрылся за ней. Буквально через пол-минуты он вышел и пригласил нас войти, а сам остался снаружи – Мне нельзя! – сказал он шепотом но со значением.

Георгий взял меня за руку, и мы решительно зашли в кабинет Сталина. Вернее, в малую столовую, где он при жизни всегда работал. Было темно, и страх мгновенно исчез. Чувствовалась прохлада. В темноте глаза начинали привыкать, и я начал различать мебель и предметы в помещении. И вазу с цветами. Вдруг около окна что-то светлое шевельнулось и приблизилось

к круглому столу. В лицо пахнуло вкусным трубочным дымом, и мы слышали голос человека, который было невозможно не узнать:

– Проходите, товарищи к дивану и рассаживайтесь поудобнее, – сказал он с узнаваемым акцентом. Мы как замороженные двинулись туда, где стоял диван и сели.

– Георгий? – обратился Сталин к моему другу – кого это ты ко мне привёл?

Это тот, про кого я тебе, Коба, говорил, мой московский друг!

– Писатель что ли?

– Ну да! Писатель, – ответил ему Георгий. И просто увлеченный человек! При этом я встал с дивана навытяжку и мысленно проклинал тот день, когда решился идти сюда. Страх снова накрыл с головой.

– И много у вас сейчас таких увлеченных? Работать осталось кому?

– Я преподаю, товарищ Сталин. Когда свободное время есть увлекаюсь историей, особенно нашей советской, пытаюсь разобраться! – ответил ему я.

– Вы садитесь, товарищи. В ногах правды нет! Жаль, Лаврентия сегодня с нами нет. Он у нас в писателях хорошо разбирается. Особенно в современных! Я имею в виду моих современников. Ему читать не надо, что они там пишут. Он считает, чем писатель пахнет, то он и пишет! Любопытная теория!

– А вы, обратился он ко мне, хотя и начинающий писатель, а слог у вас хороший, и книги ваши занимательны. Я нашел две, прочитал с карандашом в руках и мне понравилось. Потом посмотрите мои пометки. Приврали вы, конечно, там немало. Но, как говорят, художники – я так вижу. Писатель – это же тоже художник, только слова. Но всё равно посмотрите. Я оставлю. Может, будет полезно.

Я как замороженный смотрел на Сталина, на его белый летний костюм с двумя верхними расстёгнутыми пуговицами на кителе и на его мягкие, домашние тапочки в клетку и думал, что это невозможно, и щипал себя за ногу.

– Возможно! – вдруг сказал Сталин, словно услышал мои мысли. – Возможно, мой дорогой писатель! – И только потому, что у вас есть такой друг, как Георгий! В другом любом случае это действительно никак не может быть! Он сделал глубокую затяжку из своей трубки и продолжил:

– Мне тоже очень интересно поговорить с людьми из вашего времени. Узнать, чем живёте, куда двигаетесь. Какие успехи у страны? А главное – получить ответ на вопрос: – не зря ли мы свою жизнь положили на алтарь служения Отечеству, пригодились ли наше наследие будущим поколениям? Не зря ли было столько жертв? Я знаю, что имя моё оболгано и память обо мне осквернена. Раз такое происходит, значит, что-то не досмотрел, а где-то не успел, в ком-то ошибся и чего-то не смог!

Он сделал длинную паузу и продолжил: – Правда у простых людей и у вождей стоимость ошибки существенно разная. Но, кому что дано, за то и отвечать. Большому за большое! Малому за малое! – Здесь ничего не поделаешь. Я рад, что у меня появилась возможность встретиться с будущим, которого не знаю. Времени у нас немного. Где-то часа четыре, не больше. Рассвет летом рано.

Сталин вдруг обратился к Георгию: – А ты друг мой, знаешь, как много для меня значат такие встречи, следующий раз выбирай время года получше, когда ночь длиннее дня. Для этого много ума не надо. Уважь старика.

Георгий рассмеялся: – следующий раз учту. Но кто из нас старше, я бы поспорил Иосиф Виссарионович.

– Я! – твёрдо сказал Сталин. Тебе, мой друг, вечно будет 35 лет. Сталин ещё раз затянулся:

– Ну, что давайте начнём работать! Рассаживайтесь поудобнее и слушаю первый вопрос.

Я спросил: – Иосиф Виссарионович! Вас считают верным ленинцем, и самым близким его соратником, и продолжателем его дела. Скажите, насколько это верно? – И ещё! – Нужна ли была Октябрьская революция? И существовала ли у большевиков идея построения нового государства на просторах бывшей Российской Империи?

Сталин долго молчал, медленно расхаживая по малой гостиной, и вдруг сказал: – Вот уж не ожидал столь каверзного вопроса. Этого же за полный день не расскажешь, а не то что за эту пару часов, что у нас есть! Видимо, насмотрелись вы всяких страшилок про меня, по вашему всевидящему глазу... – Телевизором, кажется, эта штука называется? Еще при мне делать начинали?

– Да! Да! Телевизором они называют эту говорящую картину – подтвердил Георгий. Раньше он как большой ящик был с маленьким экраном, а теперь легкий, на стенку вешают, с огромным экраном.

– Так вот, молодой человек, продолжил свою мысль Сталин, думается мне, что вы сильно попали под влияние троцкистов, если с таким каверзным подтекстом решили спрашивать меня об этом. Шучу!

Я стал извиняться, коря себя за то, что так бездумно и неосторожно задал сразу три каверзных вопроса. Так ведь хозяин может и под зад дать! Но Сталин остановил меня жестом руки и сказал:

– Всё правильно. Это время должно было наступить и расставить все по местам! Похоже, это надо сделать уже сейчас. В противном случае, зачем вы здесь? Просто так чудеса не совершаются ни в моем не в вашем времени. Я просто в своём мышлении не могу использовать опыт, приобретённый людьми после меня. А вы не можете смотреть на ваш мир моими глазами. Но ничего страшного. Будем искать точки соприкосновения и цепляться за них. Но объективности здесь не ждите. Я могу гарантировать только факты, да и то, которые сам знаю и видел, и моё видение происходящего. А вы уж воспринимайте как можете. Хотя большое видится на расстоянии. Не исключено что мы с вами и откроем для себя, что-то новое! – Не возражаете, товарищ из будущего?

– Конечно, не возражаем! – Воскликнул я и приготовился слушать.

– Сталин задумался и начал говорить.

– Был ли я его другом? Это очень непростой вопрос. Наверное, правильнее будет спросить: считал ли я его своим другом? Потому что, о его отношении ко мне надо спрашивать у него. Но я его своим другом не считал. Мы же практически с ним не общались. Он в эмиграции я в ссылке. Только на конференциях. А после Октября, работы и споров было столько, что не до дружбы. Мы видные большевики, всегда спорили между собой до хрипоты, не соглашались с той или иной точкой зрения. Но всегда выполняли принятые решения. Революционеры вообще народ горластый. Я, правда, нет! Оратором я был слабым. Но в полемике мог задавить многих. Очень любил добираться до самой сути явлений. Иногда мы с ним ругались очень крепко. Он же компромиссов не признавал. Или его точка зрения или никакая! Правда, и ошибки свои очень не любил признавать, только говорил при этом «мы». Но скорее – он мне старший товарищ по партийной борьбе. Лидер партии. У Ленина друзей вообще-то не было. Для него, они были соратники. Они были ближе чем друзья, в его понятии. А мне, человеку, выросшему на Кавказе, где слово друг, имеет большее значение, чем брат, казалось всегда, что ему это понятие незнакомо вообще.

После ссылки он до самой революции жил за границей непрерывно почти 15 лет. А революционная деятельность предполагает и конспирацию, и нелегальное положение, и очень внимательное отношение к кругу своего общения. Эмиграция – это, конечно, лучший способ революционной деятельности. Как говорят, эпистолярный и менее опасный, если есть на что жить. У него были всегда рядом люди, в которых он нуждался, которые были полезны, необходимы, для дела. Таким для него был и я периодически... Главным образом для пополнения пар-

тийной кассы. Он уважал только тех, кто его боготворил! Или, кто ему был крайне необходим. Он умел мастерски манипулировать людьми и очень любил это дело. И тех, и других было немного. Но это были настоящие революционеры. Преданные делу. Считал себя вторым после Маркса и боготворил его. Я не был его единомышленником по целому ряду вопросов. Я вообще был против октябрьского переворота, сделанного Троцким и его друзьями из Бунда. Но что притягивало к Ильичу, так это его убежденность в правоте нашего дела. Начало 20 века, это время бурного развития промышленности и промышленного капитала, а, следовательно, и роста социального неравенства, это привело к тому, что революционные организации росли, как на дрожжах, ратуя за социальную справедливость. Быть революционером было модно. Власти всех стран смотрели на это как на закономерную реакцию общества на технический прогресс и рост промышленного производства. Власть беспокоили только организации радикального толка, бомбисты. Мы такими не были. Ленин, будучи твердым марксистом, увидел в этом пропасть растущего социального неравенства которая непременно приведет к социальному взрыву. Он и нас убедил в этом. А таких вождей в политических партиях того времени не было. Большинство тяготело к либерализму, в той или иной степени. Это было безопасно и перспективно. Но тогда, никто из нас, живущих здесь, в России, понятия не имел, какие догмы впитал в себя Ильич из учения Маркса. По тому, что значительно позже я узнал, и какие деньги за ним стояли и какие цели он перед собой ставил, я скажу честно, Ленин оттолкнул от себя меня и других. Оттолкнул и своей неприязнью ко всему русскому, своей русофобией. Когда человека или народ, ради которого ты пришел к власти, ты называешь «свиньями» или «ивашками», то невольно возникает недоверие к тебе. Он был уверен, что весь его ближний круг думает так же, как и он.

– Почему Троцкий, а не Ленин осуществил Октябрьский переворот? – хотел спросить я. Но Сталин как будто услышал меня и продолжил: – Потому что, когда произошла революция, я его и Зиновьева прятал недалеко от Сестрорецка, в местечке Разлив, буквально с лета.

– А почему я был против переворота, так здесь много объяснять не надо. Февральская революция дала людям столько свобод и возможностей для реализации наших же большевистских идей, что только бери и действуй. Но Россия даже к этому не была готова. Причина одна – объективных факторов даже для февральской, буржуазной революции у нас в России не было. Это был заговор политической верхушки. А затем роковую роль сыграл наш чрезмерный радикализм. Мы, большевики, всячески саботировали любые демократические начинания властей. Да! Правительство Керенского было слабым. Однако было два варианта. Или ему помочь и спасти страну от разрушения, и выиграть войну, или это правительство свергнуть и продолжать разрушать самим. А разве не проще было сотрудничать с меньшевиками и эсерами, кадетами, со всеми, кто был избран или уже вошёл в Учредительное Собрание. У нас, большевиков, появилась реальная возможность участвовать в формировании коалиционного правительства. Но что Ленин, что Троцкий были категорически против этого. Местные русские большевики практически все были за сотрудничество со всеми партиями и фракциями. И если быть совсем откровенным, то на первых порах, да и после переворота прибывшие из эмиграции революционеры вызвали сильное раздражение у местных большевиков. Троцкий не верил, что власть можно удержать, он считал, что главное показать миру, что это возможно, и что это сделал он. Поэтому он власть пафосно передал Ленину, который к восстанию не имел никакого отношения, как и я, кстати, и многие из известных большевиков. Революцию сделали люди и деньги, привезённые Троцким из Америки, и Лениным из Швейцарии, со второй попытки, после июньского провала. Теперь задача была захваченную власть как можно дольше придержать. В России в это время процветал антисемитизм, а новая власть целиком и полностью состояла из представителей этой национальности. Всё это усугубляло положение дел. И об этом писали практически все европейские газеты. И Троцкий, будучи евреем и искренне презирающий всё русское, не рискнул стать во главе советской республики. На этом настаи-

вали все пришедшие из заграницы революционеры. Но Троцкий сказал прямо: – в сложившихся условиях еврей не может стать во главе России. Он испугался. Ленин нет. Он увидел в революционном перевороте возможность реализовать свой шанс. Ни я, никто другой кроме особенно приближенных к Ленину людей, не знали, что за спиной его были огромные немецкие деньги, которые гарантировали успех. Даже Троцкий этого не знал до определенного момента. У него были свои финансисты, о чем было известно только узкому кругу его приближенных... И потому Ленин не сомневался и был за объединение совместных усилий и капиталов. Проблема заключалась в том, что их обоих финансировали враждующие между собой стороны. Троцкого американцы, Ленина немцы. Но в успешном захвате власти они оба были уверены. У меня же, такой уверенности не было. Я, как и многие, о финансовой стороне дела ничего не знал.

Я и другие товарищи Ленина поддержали главным образом потому, что это была альтернатива Троцкому. Других значимых фигур не было! Но Троцкого знали больше и лучше многие питерцы еще по революции 1905 года. Однако его радикализм пугал. Почему?

Если коротко, то я могу сказать так, что к приезду Ленина в апреле 1917 года в России никто не помышлял об социалистической революции. Она была шагом назад. Никто к ней не был готов, ни страна, ни большевики. И Ленин был известен далеко не всем. Если совсем откровенно, то почти никому. Самым лучшим вариантом было закрепление достижений февральской революции. Их могло хватить на столетие. Не было бы Октябрьского переворота. Не было бы и Гражданской войны. Не было бы миллионов бессмысленных жертв политики военного коммунизма и коллективизации! И главное – Россия тогда бы вышла победителем из первой мировой войны. Контрибуции и репарации тогда пошли в Россию. А так все захапали страны Антанты, практически вынудив Германию пойти на реванш. Основы Второй мировой войны заложили именно мы, став проигравшей стороной в Первой империалистической, своей жаждой власти, бездумной политикой в погоне за революционной фразеологией и лозунгами о начале мировой революции. Европейцы, а тем более капиталисты, не те люди, чтобы разрушить до основания всё в собственном доме. Европейские страны, где назревали революционные процессы, увидав, что сделали мы со страной, в ужасе отказались от этой идеи. Даже немцы, которые были ближе всех к революции. Ленин был в бешенстве.

Да! – Я был сторонником Ленина. Иногда даже считал себя его другом, особенно, когда он болел, мне казалось, что и он меня таковым считает. Его болезнь сблизила нас. Скажу так – образ того Ленина, которого знаете вы и поколение постарше, его создал я и мои товарищи уже после 1927 года, когда Зиновьев сделал из него идеологического идола для России и Коминтерна. Мы настолько обожествили образ Ленина, что заднего хода уже не было. Кроме того, народ поверил в его образ и наше дело. А это дорогого стоит.

Ленин был всем известным космополитом, считая, что это неотъемлемое качество революционера-интернационалиста. Это и понятно, если ты ставишь своей целью осуществить мировую революцию. Он видел всё русское отсталым, мерзким, диким и грязным. Перед Европой он преклонялся, будучи совершенно уверенным в том, что будущее России возможно только в интеграции с Европейской цивилизацией через их революционные организации и уничтожение православия. Православие он, как и Маркс, считал врагом всего прогрессивного и той скалой, об которую разбиваются волны европейской цивилизации. И Октябрьский переворот он рассматривал исключительно как первый шаг: здесь с Троцким они были единомышленниками от пяток до корней волос. И вообще противопоставлять Троцкого Ленину мы стали после смерти Ильича и после того, когда взяли курс на построение социализма в одной concretamente взятой стране. Это было политически важно и необходимо.

На самом деле Троцкий был ближе к Ленину чем я или Зиновьев, или, кто-либо другой из ближнего круга. Их связывала большая семейная дружба ещё со времен проживания в Лон-

доне и очень теплые отношения. Крупская до конца дней своих хранила самые теплые воспоминания об их дружбе.

Ильич специально игнорировал открыто русский национальный вопрос из-за своей какой-то личной неприязни ко всему русскому. Возможно, из-за преклонения перед Марксом или какой-то обиды, возможно, из-за казни брата, а может, потому, что он вообще не был русским человеком. Хотя русских патриотов среди нерусских было великое множество – Дзержинский, Литвинов, Микоян, Красин, Кржижановский, Бонч-Бруевич, Орджоникидзе, я наконец! В конце двадцатых годов, уже после смерти Ильича, его сестра Анна, будучи заведующей Музеем Революции, занялась изучением национальных корней своей семьи. Все же считали, что отец у Ленина русский, с калмыцкими корнями, а мать немка. В конце двадцатых, начале тридцатых годов вектор в стране сменился, и к евреям стали относиться хорошо. Народ стал жить лучше, спокойнее. Страсти поутихли.

Так вот, она разыскала и собрала полный пакет данных о национальном происхождении всех родственников семьи Ульяновых, утвердила его на ученом совете музея и пришла с этим ко мне, чтобы получить разрешение на публикацию материала. Там говорилось, что вся семья Ульяновых являются евреями-ашкенази. Только дед Ленина по отцовской линии был удивительно скандальным человеком, отказался от иудаизма, принял православие, рассорился с соплеменниками так, что они его изгнали и прокляли. Он написал прошение царю и получил российское подданство! Так что характер у Ильича был дедовский. И всё же! Я не разрешил ей это публиковать. И сказал, что надо подождать лет сто! Общество должно измениться и стереть родимые пятна национализма! Анна с моим мнением согласилась и материал оставила у себя.

Иосиф Виссарионович! А что вы можете сказать о Зиновьеве и его роли в революции?

– Оооо! – Это гусь ещё тот! Человек он, конечно, очень сложный. Вот вы меня спрашивали о том, были ли у Ленина друзья? – Если и был у семьи Ульяновых друг, то это Зиновьев Григорий Евсеевич. За границей они старались снимать жильё так, чтобы быть рядом. А то и один дом на две семьи. У Зиновьева она была большая. С ним жили постоянно, бывшая и настоящая жены с детьми и теща. Не хочу много говорить, но человек он был мелочный, любил красивую жизнь и никогда себе ни в чем не отказывал. Ленин держал его всегда при себе и ограждал от всяких неприятностей... Что у него хорошо получалось, так это выступать на митингах и собраниях. Как публицист, он был острым на перо. И потом не стоит забывать, что все статьи и публикации Ленина редактировал только Зиновьев. Без Ленина Зиновьев ничего из себя не представлял для революционного движения.

– Иосиф Виссарионович! – Конечно хочется вам задать массу самых разных вопросов, но понимая, что это невозможно, задам такой. Как получилось, что вы победили в борьбе за власть с такими монстрами как Троцкий, Зиновьев, Каменев и Бухарин?

– Сталин снова раскурил трубку:

– Как, спрашиваете? Наверное, с Божьей помощью. А если серьёзно, то жить хотел. Только женился. Молодая жена с ребёнком на руках. В случае победы Троцкого и товарищей кровь полилась бы рекой. Меня бы они хлопнули без всякого сомнения. Но если честно, то решающую роль сыграла взаимная неприязнь Троцкого и Зиновьева. Дело в том, что во время Корниловского мятежа, Зиновьев сильно струсил и чуть было не потерял город в следствие своей бездеятельности. Были бы уничтожены тысячи наших сторонников. К тому времени новые власти уже крепко насолили народу. Так, что месть была бы жестокой. Ситуацию спасли Троцкий и Тухачевский. После разгрома восставших Троцкий публично отчитал Зиновьева. Тот, конечно, этого ему не простил. Затем Юденич подошел к Петрограду. Зиновьев опять завалил всё дело и стал биться в истерику. Опять ситуацию спас Троцкий. И опять указал Зиновьеву на его беспомощность. Так что ненавидеть друг друга им было из-за чего. Тем более, что Зиновьев, встав во главе Коминтерна, не упускал случая, чтобы не укунить Троцкого. Зиновьев

вьева поддерживал во всем Каменев. Эти двое были сладкой парочкой. Каменев ненавидел Троцкого за позерство и самолюбование, ну и за компанию.

Пока Ленин был живой, все конкурирующие стороны держали себя в руках и соблюдали приличие. И все ждали его смерти, не для того, чтобы достойно похоронить, а для того, чтобы развязать внутрипартийную борьбу за власть. Причем после свержения Временного правительства, троцкисты считали, что это дело несложное. А что такое борьба за власть? Её всегда окрашивают в благовидные цели и красивые цвета. Но это как говорил мой друг Сергей Киров, ничто иное как лирика. Борьба за власть – это борьба за доступ к управлению огромными деньгами, гигантскими финансовыми потоками. Это прекрасно знали люди Троцкого и те, кого Ленин привёз из Швейцарии. В принципе, и Ленин, и Троцкий для этого и притащили их в Россию и расставили на ключевых должностях. Скажу прямо – Позиция у них была беспримысленная. Лидер один – Троцкий. Выдающийся трибун и оратор. Создатель Красной Армии и флота и в конце концов вождь и организатор Октябрьской Революции, ближайший соратник Ленина! И это абсолютная правда. Как говорится, все карты в руки. К тому же он был членом бюро ЦК ВКП(б) И скажу больше – взгляды Троцкого и Ленина по стратегическим вопросам не расходились! И все эти разговоры о троцкистах и ленинцах, политическая шелуха. Ленина интересовало в первую очередь наличие у человека мозгов. Только после этого он принимал решение: – кто он для него! Менжинский, Чичерин – они же выходцы из меньшевиков, а стали его соратниками и были весьма полезны.

– Иосиф Виссарионович, можно ещё один вопрос?

– Задавайте!

– А в своем мире сейчас вы с Лениным встречаетесь?

– Один раз была такая встреча. Георгий организовал по его просьбе.

Георгий кивком головы подтвердил свое участие в этом мероприятии и добавил: – Лучше бы я этого не делал.

– Почему? – Удивился я.

– Ну, во-первых, Ильич не захотел встречаться в Москве, – пояснил Георгий, по двум причинам;

Первая – Здесь находится его искалеченное, полурасложившееся тело, выставленное напоказ, как музейный, или выставочный экземпляр, и он не хотел бы его видеть. При встрече в Москве это неизбежно. Он считает, что в жизни он выглядел намного лучше. А то, что находится в этом подвале, под названием мавзолеей, это форменное кощунство.

Ну, и во-вторых, Москва – это город его несбывшихся надежд на мировую революцию, и здесь, он ужасно болел и страдал от своего недуга, тут в него стреляли, и здесь в конце концов он умер.

– Именно так! – подтвердил слова Георгия Иосиф Виссарионович, и продолжил – Я тогда предложил ему Ленинград. Всё-таки носит его имя, и колыбель революции Он снова отказался. Сказал, пусть Троцкий там с Зиновьевым встречаются.

Тогда я его спрашиваю: Владимир Ильич – А где бы вы хотели?

– В Швейцарии. В Цюрихе! На теплоходе, что ходит по Цюрихскому озеру.

Странно, удивился я. Почему он не захотел встретиться на территории государства, создателем которого считается?

В разговор вмешался Георгий: – Что вы от него хотите. Прав Ильич! – Я лично его понимаю. Человек после университета поработал два года помощником присяжного, а потом в ссылку на пять лет в Сибирь. А затем вся сознательная его жизнь прошла в Германии, во Франции, Польше, Лондоне и Швейцарии. В 1917 году вернулся он в Россию. А уже в начале 1924 года умер. Из неполных семи лет, четыре года проболел. Россия для него проклятое место! Да ещё и стреляли в него здесь.

Германия поставила на него. Если бы не немецкие деньги, то он бы вряд ли поехал в Россию. Если только ненадолго. Будущее своё они с Надеждой связывали с Европой. Там ему было всё комфортно и понятно.

– Ну, и как вы встретились? – спросил я Сталина. Он курил, медленно передвигаясь по малой гостиной:

– Он был не один, а на пару со своим визави Александром Парвусом. Пиво пили и о чем – то спорили. Увидав меня, Парвус мгновенно исчез, а Ильич остался. Он не в курсе всего того, что произошло в стране, и вид у него был не такой, как перед смертью: исхудавший, измученный, небритый. Вовсе нет. Был холеный, бодрый и в меру респектабельный – сильно постарел ты, Коба, – сказал он мне, как только увидел. И тут же набросился, как это он умеет, обвинив в том, что я отказался от идеи мировой революции. Что загубил дело всей его жизни.

– А в каком году это произошло? – спросил я.

– В 1927 году, как раз со мной первый сердечный приступ случился, поэтому я этот день хорошо запомнил.

– Вы, наверное, многое ему рассказали?

– Всё.

– А он?

– Во всем говорит надо искать положительное. Я знал, что без меня вы всё загубите – Ренегаты! Следующий раз возьмемся крепче и сильнее. И главное – никого щадить нельзя. Вешать и расстреливать, как Лёвушка делал, т. е. Троцкий.

Я ему сказал, что его точку зрения не разделяю категорически, потому что из-за революции было пролито столько крови, столько она принесла страданий простому человеку земли русской, что сам готов расстреливать всякого, кто назовет себя революционером. Все можно решать по-человечески, спокойно, без всяких революций. Эволюционным путем. Посоветовал ему Дарвина перечитать и сказал, что Маркс, создавая своё учение, думал не о рабочем классе, а написал пошаговую инструкцию по созданию глобальной системы управления миром. И нам в его волшебном мире всеобщего равенства и братства финансистов места не предусмотрено. Рылом не вышли!

Ленин встал. Быстро оделся и направился к трапу, где его ждал Парвус. Прежде чем скрыться за дверной створкой, он обернулся и крикнул – Вам, Коба, надо было не в семинарии у попов учиться, а вот у этого человека, прежде, чем страной управлять. Нам с вами больше не по пути. Никогда!!!

– Вот так мы с ним расстались, – закончил Сталин. Хотелось бы, чтобы навсегда!

Двадцать седьмой год. Страна к этому времени перешла более-менее на мирные рельсы. Завершался НЭП, начали коллективизацию и индустриализацию страны. Пошли первые пятилетки. Строили заводы и фабрики, Полным ходом шла культурная революция. Вырастили новые кадры за прошедшие десять лет. И главное – люди наконец стали жить лучше. Это были наши кадры, которые открыто были готовы выступать против курса Троцкого на мировую революцию за счет Советской Республики. Мы проверили положение дел в Армии и на флоте. Освободили от занимаемых должностей наиболее оголтелых троцкистов, а затем на съезде, где у нас было абсолютное большинство, без труда освободили от должности народного комиссара по делам армии и флота товарища Троцкого. Как потом писала «Правда» – у Льва выдрали зубы. Это если кратко. И справедливости ради надо сказать, что главным критиком Троцкого выступал Зиновьев со своим другом Каменевым. И они его разгромили. Мне Троцкого даже было жалко. Но он остался в политбюро.

После съезда до Зиновьева и Каменева, и Бухарина дошло, что у меня сосредоточилась в руках огромная власть. Они решили, что надо распустить политбюро, оставить секретариат и сообща править страной. Затем они создают «Новую оппозицию», уже объединившись с Троцким, требуют дискуссию по вопросам руководства партией и с треском её проигрывают. Спра-

ведливости ради скажу, что главную скрипку здесь играла достойная супруга Ленина, Крупская. Она была крепким орешком и твердо ставила на Троцкого. Первый раз мы их исключили из партии в 1927 году. Это общеизвестно. Я вам нового не скажу. Единственное, что будет вам интересно, так это то, что Крупская несколько раз просила меня отпустить ее жить в Англию.

– Иосиф Виссарионович. А как так получилось, что в вашу команду попал Хрущев и стал ближайшим соратником?

– Вопрос интересный. И для меня болезненный, хотя уже давно ничего не болит, правильнее будет сказать неприятный. – Сколько у нас ещё времени в запасе?

– Достаточно! – ответил Георгий.

– Я думаю, полчаса нам будет вполне достаточно чтобы ответить на этот вопрос. Но мне хочется и вам задать один. И давайте время распределим так чтобы и мою просьбу выполнить.

– Конечно, конечно! – залепетал я. – Товарищ Сталин, для вас что угодно. Обязательно оставим время.

– Мне десяти минут хватит! Так, значит, о Хрущёве. – Конечно я знал, что он Сукин сын, что бывший троцкист с Украины, которого притащил Лазарь Каганович. Знал, что человек совершенно необразованный. Но у него была такая славянская мордашка, что на фоне имеющих это выглядело как луч света в нерусском царстве. Он был крепкий организатор и по-мужичьи смекалистым. Впервые о нём я услышал от жены, покойницы Надежды, которая в то время училась в Промакадемии. Туда был направлен Кагановичем и Хрущев. И вскоре его там избрали парторгом. Вот она мне рассказывала про то, какой он боевой парень, и однажды я ей говорю: – ты мне этим Хрущевым всю плешь проела. Приведи домой. Посмотрю на него. Может и правда стоящий человек. Вот она его и привела. Не буду скрывать, он мне понравился своей непосредственностью. Нам именно такого образа простака-руководителя, своего для простого человека и хваткого, очень не хватало в пропаганде. Вождей с русскими фамилиями у нас практически не было, а если и были, то народ быстро вычислял в них еврея. Такова правда жизни того времени.

Где-то в начале 30-х годов Ягода принес мне справку на Никиту. Мы тогда хорошо чистили Украинскую парторганизацию, а Хрущёв уже был её первым руководителем, и выявили в их среде очень много перекрашенных троцкистов, по сути врагов советской власти. Среди них оказался даже руководитель Украинского НКВД Успенский. Не буду скрывать, что враждебный элемент, особенно националистический, получил развитие на Украине ещё во времена Кагановича. Он-то и обратил внимание на раскаявшегося троцкиста Хрущёва и дал ему путёвку в жизнь. Так вот! Ягода кладёт мне на стол документ, в котором я читаю, что фамилия у Никиты не Хрущев, а Гасвицкий, что он не сын шахтёра, а польского помещика Александра Гасвицкого. Правда, незаконнорожденный. Барин хотел дать сыну образование, но, как говорится, не в коня корм! Отчисляли Никиту из-за тупости из всех учебных заведений куда его отец ни пристраивал. В конце концов, когда началась война, отец спас его от мобилизации и отправил к своему другу немецкому помещику Кирше в Юзовке, работать управляющим имением. Как Молотов ни старался, по моему поручению найти шахту, где Хрущёв работал, так и не нашёл. Вы меня спросите: – почему его не арестовали и не судили за обман? – не знаю. Может, память о Надежде не давала мне возможности смотреть на него объективно. Это же она привела его в наш дом! Не знаю!

– Так говорят, что это он убил вас? – осторожно спросил я.

Сталин опять стал ходить по своему кабинету обдавая нас приятным запахом трубачного табака:

– В моей смерти, сказал он, винить Хрущёва, конечно, можно. Очень хитрый был и подлый человек. Как любой трус, он отличался жестокостью и был мстительным человеком. Немало жизней загубил безвинных.

Из-за сына-предателя, Лёньки, он, возможно, мог пойти на моё убийство? Не знаю! Я в то время сильно болел. После войны все болячки разом повылезали. Видимо почувствовал, что до конца ждать недолго. Не знаю! – Тогда зачем убивать? Хотя душа человеческая, это потемки. Здесь особенно это понимаешь!

– Так, возможно, что это был Берия? В стране до сих пор бытует версия, что именно он стоял во главе заговора против вас! – не унимался я, сам поражаясь своей прыти.

– Нет! – Это всё проделки Маленкова и Хрущева. Зад свой грязный прикрывали. Руки-то по локоть в крови. Лаврентий был у меня перед началом работы съезда и предложил, чтобы я признал перегибы, имевшие место и во внутрипартийной борьбе, и в руководстве народным хозяйством. чтобы все члены президиума ЦК партии покаялись за допущенные ошибки. Я вынес этот вопрос на президиум в рабочем порядке. И сказал, что это предложение Лаврентия. Ни один человек не проголосовал за это. Но злобу на Берию затаили. Во-первых, у него было очень много врагов в высшем руководстве страны и особенно в армии. Жуков и его сторонники боялись и ненавидели Лаврентия. После войны он с Абакумовым имели на руках, весьма нелицеприятный материал на наших некоторых легендарных полководцев-бонапартистов. Позор на Советскую Армию был неслыханный! Желание примерно наказать было большое. Ограничились «Трофейным делом». Дальше, я хода не дал. Наказали только самых отъявленных мародеров.

Моя смерть вследствие заговора означала бы и неминуемую его гибель. Так, впрочем, и произошло. Он, конечно, не был коммунистом в широком смысле этого слова или идейным фанатом как Жданов, Дзержинский, Мехлис или Сулов. Он считал все это напускным и вредным, как и многие из старых хозяйственников. Но он был незаменимым организатором и великолепным руководителем любого дела. Это был государственный человек самого большого калибра! Острый и изобретательный ум. Нечеловеческая работоспособность делали его просто незаменимым и в организационных и военных вопросах. Без него мы и с атомной бомбой могли застрять лет на десять, пятнадцать. И чем бы это могло кончиться, нетрудно себе предположить. Во время войны Лаврентий был словно провидец! Ситуацию видел насквозь, к бабке не ходи! Тыл армии под его руководством превратился в мощную, заботливую, просчитывающую всё наперед организацию. А Мегрельское дело – это все козни Маленкова. И Большого мегрела никогда не было. Доносы подкинули Василию, моему сыну и дочери Светке. Лучше придумать не могли.

Сталин снова глубоко затянулся и выпустил дым в пустоту:

– Вы не поверите. Но он трижды писал заявления с просьбой освободить его от руководящей работы. Мечтал заняться архитектурой. Хотел площадь Ленина построить на Ленинском проспекте. И построил бы, если бы со мной не случилась эта беда. Я ездил смотреть, когда половина была уже отстроена. Талантливо получилось. Но отпустить не мог. Так что, не берите грех на душу! Лаврентий сам пал жертвой заговорщиков.

– Так кто же, Иосиф Виссарионович? – Кто мог пойти на такой дерзкий и жестокий шаг? – спросил я не выдержав.

Сталин остановился возле окна и отодвинул занавеску. На небе была полная Луна, и она осветила кабинет. И всё стало чётче и ярче. И я только сейчас заметил, что он выглядит старше, чем на последних своих фотографиях:

– Меня убила система, созданная мной самим! Можно сказать, что я сам убил себя! – ответил он еле слышно. Затем оживился, снова стал ходить и продолжил –

– Мы коммунисты не получили власть в наследство от прежнего государства, с системой управления и её институтами, противовесами, регулирующими баланс сил, с действенным и независимым механизмом контроля. Законодательная база была упразднена ещё до нас, Временным правительством. Оно же ликвидировало монархию, а мы, большевики, до основания зачистили все ещё существующие, оставшиеся структуры государственной власти. И оказались

у разбитого корыта. Пришлось создавать свою систему управления страной. Не всегда разумно и толково. Как могли. Но создали, нашу Советскую власть.

После войны особенно проявлялась явная избыточность этой власти в руках Партии. Это было вредно, и видно всем.

Старые революционеры в большинстве своем уже отошли от дел или в мир иной. Страной на местах, и кое-где в центре правили выходцы из послеоктябрьских призывов. Эти люди, живя в очень приличном достатке в отличие от простого человека, имея различные привилегии и льготы во всём и пережив войну, медленно и уверенно перерождались.

Одним словом, мы породили корявую партийную элиту со всеми вытекающими пороками. Построили извращенный коммунизм – для кучки чиновников, сделавших для себя принципом жизни жажду власти, непринятие критики и безмерное стремление к обогащению. Я думал, что мы с этой тягой покончили в 30-е годы. Когда госслужащие стремились выделиться из общей массы своим достатком. Мы тогда с льготами для них сильно перемудрили. Помню, Ягода, как-то мне говорит: – наш советский служащий трудится не покладая рук. Особенно на такой работе как наша. Надо бы и отдых для них организовать достойный. Скажем, как в горах Швейцарии. У нас же такая возможность есть? Сволочь! – жировал как никто! – Швейцарию ему захотелось.

Все это стало нормой жизни для людей, составляющих верхушку Советской власти в центре и на местах. Тогда я понял, что вместе с водой мы выплеснули из таза и ребёнка! Необходимо исправить ошибку, о чем после долгих раздумий открыто сказал и на съезде, и на пленуме. Чем вызвал страх, граничащий с паникой. Это было ожидаемо. А тут ещё болезнь. Она меня выбила из колеи. Я не мог работать как прежде. Инсульт вещь опасная. А соратники, конечно, поняли всё исключительно применительно к себе. Ничего не поделаешь. Они люди своего времени. Но я думал, что здесь все будет уже по-другому, без крови. Всё-таки 35 лет советской власти. Однако, как оказалось, ничего не изменилось!

Неуправляемый страх моих соратников, возникающий, только при мысли быть спущенными с небес на землю и убил меня. А уж как и кто конкретно? Это не столь важно для меня... Главное, что коллегиально! Значит страх, сидящий в них, был куда сильнее идеи, которой они были призваны служить. Значит, власть, олицетворяющая эту идею, фальшива, значит, она не отвечает чаяниям народа. И рано или поздно будет новый Октябрь, потому что общество никогда не откажется от идеи справедливости и равенства перед Законом. Этого возможно добиться только в социалистическом государстве, и это не допускает никакой диктатуры – ни со стороны рабочего ни со стороны колхозницы или циркового артиста. Шучу! Пройдут годы, и время всё расставит на свои места. И каждому воздаст должное! А возможно, что и уже воздало!

Молотов мне говорил, когда пришел в этот мир, что Лаврентий на ухо сказал ему на трибуне мавзолея, что это он их всех спас от меня. Но это бахвальство. За Лаврентием такое водилось. Опять же из-за страха потерять власть и желания показать значимость своей фигуры перед остальными. Лаврентий стал бояться. Они убили меня все вместе, а потом стали вести войну друг с другом. Здесь же ничего не утаишь. Все про всех все знают! Только, повторяю, не берите грех на душу и не фантазируйте. Я был уже тогда сильно уставшим и больным человеком. Но добил меня и доставил мне самую сильную боль, конечно, Власик. Прощения ему, негодяю, нет! Я поверить не мог, что советский генерал может быть такой мерзостью. Да ещё рядом со мной. Что же тогда про остальных говорить! Из-за него и моя Валюша настрадалась. А когда со мной случился очередной инсульт, то все дружно прикинулись идиотами. После удара уже не имело значения, жив ли я буду или умру. Таким я был им не опасен. Вот они и сговорились немного подождать. Пока я сам не преставлюсь. Все было ясно и так. Опасными стали они сами друг для друга. Особенно, пока я был в состоянии между жизнью и смертью.

Долго это продолжаться с политической точки зрения не могло. Они могли ускорить конец моих мучений. За это я на них не в обиде.

– Вы думаете так просто?

– Я знаю! Теперь о том, как и зачем опорочили моё имя. Безусловно это очень неприятно, но совершенно ожидаемо. Прежде чем ответить на этот вопрос, важно сделать небольшую справку. Без этого будет невозможно понять то, о чём я скажу.

– Дело в том, что после моей смерти очень важно было подвести итог эпохи, которую называют моим именем. А это больше трех десятилетий борьбы. Революция, Гражданская война, борьба с оппозицией, НЭП и политика Военного коммунизма, и Гражданская война, коллективизация, индустриализация страны в совокупности своей породили совершенно новый тип личности человека. Нет, не Советского, а другого, можно сказать, переходного времени. Этот человек в кровавой мясорубке событий увидел ничтожность цены человеческой жизни. Понял, что деньги решают всё. Что вхождение во власть – это высшее благо дающее право на исключительность.

В государстве, вечно страдающем от квартирного вопроса и кадрового голода усугубленных политическим противостоянием всех и всего, становится совершенно нормальным доноительство, оговоры и обостренное чувство подозрительности, которое кормится поиском различных врагов, изменников и прочее. Тип подобного рода граждан процветал на всех уровнях общественной жизни и во властных структурах. Борьба с троцкизмом в этих условиях легла настолько в благодатную почву, что казалось, ей не будет конца. Люди оговаривали людей по малейшему поводу и без повода. Миллионы анонимок, доносов, заявлений. Но ради чего? Ради улучшения своего благосостояния!

Этот фактор привел к злоупотреблениям властью снизу и до самого верха. Люди, убившие меня, прошли через всё это. Воспоминания о прошлом не давало покоя потому, что у многих руки были по локоть в крови не за дело революции! Нет! Ради того, чтобы выжить! Они знали, что революция обязательно сожрёт своих героев. И возвеличит самого подлого, самого трусливого, самого ничтожного из граждан. Таков итог Великой Французской Революции! Похоже, и нашей! Хотя я, как уже говорил, считаю, что октябрьский переворот был преступлением, совершенным небольшой группой оплаченных за границей заговорщиков во главе с Троцким, против России. Это становится совершенно очевидно, если смотреть на это дело глазами государственника и юриста.

Но раз, как говорится, вляпались в это дерьмо, и судьбой тебе поручено исправить эту ошибку, то надо делать! Надо дать людям те ценности жизни, о которых они мечтали. Надо было хоть чуть-чуть приблизить идеалы социализма к простому человеку. Или хотя бы сделать, чтобы было не хуже. Потому что после революции от граждан страны только требовали что-то отдать советской стране: хлеб, труд, а то и жизнь. Вот коротко, без политических шаблонов, можно сказать, по-житейски я изложил моё видение этого вопроса.

– Неожиданно! – сказал я. – Неожиданно это слышать от вас Иосиф Виссарионович! – получается, что репрессии в стране были спровоцированы самим обществом, можно сказать, его потребностью, и переросло в политику. А потом, что называется, лес рубят – щепки летят.

Да! В злоупотреблении властью, в том числе и репрессиях, всегда кроется глубоко продуманный мотив! В данном случае вызванный социальным неравенством и несправедливостью вызывающий озлобленность, а с другой стороны стремлением нажиться за чужой счет, пока есть возможность. В совокупности своей это порождает обостренное чувство мнимой справедливости у обиженного человека. Это чувство объединяет людей и заставляет виновных ответить. Виновных, кого они таковыми считают. Вот известный деятель партии и чекист Кедров. Уж как его мы расхваливали. Он из дворян. И любимец Ильича, и железный рыцарь революции. После смерти отца ему досталось большое состояние. Он продал имение, и уехал за границу. Встретился с Ильичом, сделал в партийную кассу взнос 100000 рублей золотом и

стал большевиком. Я с ним встречался. После революции он стал чекистом, занимал большие должности. Предложил Троцкому, создавать концентрационные лагеря для неугодных. И уничтожил, мерзавец, десятки тысяч неповинных людей. Кого заморозил в холоде, кого заморил голодом, кого утопил на баржах, а солдат массово расстреливал перед строем. Троцкий его боготворил. В конце концов поняли, что это ненормально. Стали судить. И суд его оправдал. Признал психически нездоровым. А люди считают, что это политика большевиков. И жена у него такая же была, ненормальная. Оба психически нездоровые люди. Лаврентий её отправил в психушку, а его расстреляли. Членство в партии открывало перед человеком невиданные перспективы. Хрущев наглядный пример! И пролезть туда смогли всякие. Такой народец, он и ловчей и смекалистей любого порядочного человека. Согласитесь, чтобы расстреливать, пытаться и писать доносы, надо быть человеком, очень сильно отличным от порядочных. Они себя достаточно хорошо выявили. И я их безжалостно репрессировал. Хотя они называли себя истинными большевиками и умирали со словами – Да здравствует Сталин!

К Великой Отечественной Войне мы подошли уже другими людьми. Очистились от скверны. Но это уже другая тема.

Сталин посмотрел на напольные часы:

– Ну что, друзья мои, я ответил на ваши вопросы. У нас осталось десять минут, и я задам вам свой вопрос. Готовы?

Я совершенно согласен с вашим нынешним президентом о том, что развал Советского Союза является величайшей геополитической катастрофой двадцатого века. Мне Георгий очень подробно рассказывал о всём происходящем в то время. Я уверен, что последствия этого развала действительно вызовут ещё такие геополитические подвижки, что те, кто сделал это, сами сгинут в пучине политических потрясений. Россия! Сильная Россия – это самый главный фактор стабильности в мире. Если мы будем слабыми, этот мир не выживет! И хотя Советский Союз разрушен, в меня вселяет надежду то обстоятельство, что он был разрушен не советским народом, а верховной властью. Иными словами, ничего нового. Как гласит древняя еврейская мудрость: предать – не всегда означает предвидеть! Это урок, который вселяет надежду, что не всё ещё потеряно.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.